

Вдова, которая по характеру была довольно капризна, стала еще более блажить из-за подозрений, которые ей внушали. Однажды я застал ее одну возле камина, но она убежала в небольшую комнату за камином, на двери которой висела гирька, благодаря чему она быстро захлопывалась. Вот так щелчок по носу! Я нажимаю плечом, я умоляю — она не открывает. Я ухожу, у выхода на улицу я передумываю, а затем, тихо возвратившись, причусь с другой стороны камина и хлопаю изо всех сил обитой сукном дверью, чтобы она подумала, будто я ушел: это удается. Она выходит, я ее схватываю и Этот каприз придал нашему свиданию особую остроту. Женщина эта по природе своей была отнюдь не бесстыдной и уступала только порыву страсти, а потому никак не могла решиться назначить мне свидание: ею всегда приходилось овладевать силою; но обычно труден бывал лишь первый шаг, и как-то днем она отдавалась мне столь долго, что у меня, поскольку я все это время стоял, сильно перехватывало поясницу. Когда скоро всякий раз приходилось все начинать сызнова, мы не могли постоянно соблюдать меры предосторожности, и ее горничной все было известно. Много женщин я видел, но никогда не встречал столь бескорыстной: по моем возвращении из Италии она не пожелала от меня принять даже пары перчаток.

Постепенно Вдова стала такой ревнивою, что ревновала меня ко всем знакомым женщинам, но особенно к одной моей родственнице. Она всегда ревновала меня больше к тем, кто мне не нравился, нежели к тем, кого я любил.

Тем временем я увлекся этой другой вдовушкой, ибо первая уж слишком часто меня журила. В доме ее матери все чувствовали себя более свободно. Однажды, когда мы сидели за столом, эта женщина угостила нас абрикосовым вареньем и рассказала, что, полагая его более вкусным, нежели варенье матушки, написала на банках «Абрикосовое варенье по моему рецепту». К сожалению, ее варенье засахарилось, между тем как варенье ее матушки отлично сохранилось; и вот в одно прекрасное утро она сменила все обертки на банках и сказала: «Взгляните, как хорошо сохранились мои абрикосы». У нее была дочь, которую нельзя было назвать хорошенькой. «Ей-ей, сударыня, — сказал я ей однажды, — ваша добрая матушка искуснее вас и по части дочерей, и по части абрикосового варенья: по сравнению с ней вы не более как миловидная служанка!»

Как-то на полу возле камина я заметил чья-то плевки. «Боже мой, — воскликнул я, — что это?». — «Увы, — ответила она, — это г-н Местреза устроил здесь Женевское озеро.* Я часто дарю ей стихи; но когда она замечала, что я в нее влюблен, она со мной нарочно повздорила, чтобы не звать большие своим мужем; я разгадал ее хитрость и притворился,

* Он был родом из Женевы и всегда плевался.